
РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

А. Д. СУХОВ

Н. А. ПОЛЕВОЙ – ФИЛОСОФ ИСТОРИИ

Н. А. Полевой – известный русский историк, автор «Истории русского народа», других сочинений на исторические темы. Он также является создателем оригинальной философии истории, не утратившей научного интереса и по-прежнему заслуживающей внимания.

Ключевые слова: *Н. А. Полевой, философия истории, общее и отдельное, историческая необходимость, историческая преемственность, субъективный фактор, исторический подход к прошлому.*

Русская философия своеобразна, она не похожа на западные, обычно принимаемые за образцы. Одна из характерных ее особенностей – открытость: она тесно соприкасается с другими проявлениями общественного сознания – литературой, литературной критикой, естествознанием, исторической наукой... В данной статье и пойдет речь об одном из тех историков, которые обращались к философии, – Николае Алексеевиче Полевом.

В 1829 г. начала публиковаться его «История русского народа» – многотомная, призванная охватить все русское историческое пространство. К 1833 г. издано было шесть ее томов, и содержательно она была доведена до середины XVI столетия.

Но в 1834 г. Н. А. Полевой подвергся репрессиям: ему было запрещено выступать в печати, а издававшийся им журнал «Московский телеграф», лучший в то время в России, был закрыт. Одной из причин этого послужила опубликованная в нем отрицательная рецензия Полевого на пьесу Н. В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Пьеса эта, посвященная одному из эпизодов русской истории, вполне соответствовала официальной доктрине: православие, самодержавие, народность. Она была опубликована, поставлена в Александринском театре, получила хвалебные отзывы

в печати. Ею восхищался император, даже подаривший в знак признания ее создателю драгоценный перстень.

Помимо упомянутой рецензии были и иные причины для преследования Н. А. Полевого. С. С. Уваров, министр народного просвещения, в беседе с А. В. Никитенко так отзывался о нем: «...он уже несколько лет систематически распространяет разрушительные правила... Я давно уже наблюдаю за ним... Я лично советовал ему... укротиться... После был сделан ему официальный выговор: это не помогло... Надо было отнять у него право говорить с публикою... Полевой – я знаю его: это фанатик. Он готов претерпеть все за идею. Для него нужны решительные меры»¹.

Этим суждениям о Полевом соответствует и его литературный портрет, относящийся к тому же 1834 г., который был создан Никитенко: «Это иссохший, бледный человек, с физиономией сумрачной, но и энергической. В наружности его есть что-то фанатическое... В речах его – ум и какая-то судорожная сила. Как бы ни судили об этом человеке его недоброжелатели, которых у него тьма, но он принадлежит к людям необыкновенным... Он одарен сильным характером...»²

Лишившийся журнала и подвергнутый опале, Полевой был крайне стеснен в своих идейных поисках, а в материальном отношении оказался разоренным, должником, подошел к черте бедности и временами даже переходил ее. Его попытки продолжить «Историю русского народа» ограничились написанием отдельных отрывков и были прерваны смертью 22 февраля (6 марта) 1846 г., когда ему было 49 лет.

Исторический поиск Полевого не исчерпывается одной лишь «Историей русского народа». У него имеются и другие сочинения, в которых рассматриваются проблемы истории, отдельные ее периоды и явления, действующие в ней лица. В рецензиях, написанных им, получали разбор и оценку работы различных историков, выходявшие в свет в его время. Писал он также историческую беллетристику: романы, повести, пьесы; в некоторых из них наряду с образным изображением событий вкраплены теоретические фрагменты.

¹ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 1. Л., 1955. С. 141.

² Там же. С. 137–138.

Полевой не мог, естественно, игнорировать тех, чьи труды предваряли его «Историю». Еще в молодости, составляя личную библиотеку, он приобрел исторические произведения В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, ознакомился с ними. Позже, имея уже выработанные суждения, он говорил о том, что упомянутые авторы заслуживают уважения и имеют достоинства, но лишь принимая во внимание время, когда они жили и творили. Определяя место своей «Истории» в ряду прочих книг по русской истории, он руководствовался не столько преемственностью, сколько противопоставлением. Предшествовавшие попытки создать такую историю он называл в предисловии к собственной лишь «покушениями». Татищев написал, по его мнению, не более как «сводную летопись», Щербатов – «нескладную компиляцию». В рецензии на карамзинскую «Историю государства Российского» Полевой заявлял, что это – замечательное творение незабвенного писателя. Но он утверждал также, что Н. М. Карамзин как историк сформировался в XVIII столетии и не сумел приобщиться к тем идеям, которые создавал XIX в., что Карамзин – писатель не «нашего века», и «История» его не может быть отнесена к творениям «нашего времени».

Несмотря на то, что критические интерпретации предшественников иногда выходили у Полевого за реальные пределы, различия между ним и последними действительно имели место, и Полевой явственно их ощущал. В чем же они состояли?

Названные выше историки принадлежали к иной, чем он, социальной группе. Они были дворянами, причем потомственными, родовитыми. Духовные ценности данного сословия были им близки, понятны, разделялись ими. Полевой – выходец из купечества; он считал себя принадлежащим к нему, представляющим его. Бумаги и документы он подписывал так: «2-й гильдии купец Николай, Алексеев сын, Полевой». От деловых предприятий он не устранился и когда стал литератором, историком.

Полевой призывал купечество осознать свою значимость в общественной жизни, проявлять больше «твердости», отказаться от излишней уступчивости другим сословиям, имея в виду прежде всего, конечно, дворянское: ведь капиталист, фабрикант, заводчик, торговец движут «богатствами государства». «Обращаясь к прошедшему, – говорил Полевой, – мы найдем, что История деяний

Русского Купечества не только не принесет нам бесславия, но возвеличит нас в глазах наших»³. Торговля, связывавшая Русь с остальным миром, содействовала ее благосостоянию и просвещению. Купцы открывали неведомые дотоле земли. Воспроизводя в «Истории русского народа» жизнь купца на Руси, Полевой обращал внимание на то, что купец, осуществляя свою деятельность, подвергался «страшным опасностям»; он преодолевал леса и пустыни; угрозу для него могли явить и князь, и разбойник, и иноплеменник, и неприятель, и дикий зверь... Нельзя не изумляться, считал Полевой, той отваге, с какой русские торговцы переносили возникавшие перед ними трудности.

Отмечая содружество К. Минина и Д. Пожарского в освобождении страны от интервентов и «Смуты», Полевой особо подчеркивал подвиг и величие купца Минина. И дело не только в том, что он кинул клич на Нижегородской площади или, лично возглавив отряд воинов, отбил попытку гетмана Я. К. Ходкевича прорваться к Москве, чтобы поддержать осажденный там польский гарнизон. Именно Минин проявлял заботу о том, как довести собранное русское воинство до Москвы, снабдить его всем необходимым, обеспечить жалованьем, преодолеть возникавшие в нем разногласия.

В отечественной историографии обоснованы соображения, что формировавшаяся в России буржуазная идеология нашла свое выражение «в исторических трудах Полевого», что и сам он – идеолог «утверждающего себя класса буржуазии»⁴. Полевой трактуется также как «первопроходец русского либерализма», знамя которого он нес «с достоинством»⁵.

К этому надо добавить следующее. Полевой – предтеча одной из форм русского либерализма. Она сложилась позже, к началу 1860-х гг., в работах К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, получив от последнего свое название – «охранительный либерализм». Под

³ Полевой Н. Речь о купеческом звании, и особенно в России, читанная на торжественном акте, после открытых испытаний в Московской, практической, коммерческой академии, июля 11 дня 1832 года. М., 1832. С. 17.

⁴ Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981. С. 4, 17.

⁵ Попов И. В. Пути гражданского самоутверждения Н. Полевого – издателя «Московского телеграфа» // Литературные взгляды и творчество Н. А. Полевого / отв. ред. А. С. Курилов. М., 2002. С. 34, 28.

этим названием данная форма и вошла в историю русской социальной и философской мысли.

Монархию в ее российском варианте охранительный либерализм воспринимал как самобытное явление, как начало, органически свойственное русской действительности. Его сторонники рассчитывали, что именно монархия, избавляясь от излишних притязаний, в союзе с либеральными силами реформирует существующую систему, осовременит, модернизирует ее.

Н. А. Полевой симпатизировал буржуазным революциям, происходившим на Западе; современником некоторых из них довелось стать и ему самому. Слова сочувствия находят у него Июльская революция 1830 г. во Франции, приведшая к власти Луи Филиппа, монарха-буржуа, а затем и более левые, но также буржуазные, силы, оказавшиеся в оппозиции к установившемуся в стране режиму. Он всей душой на стороне национально-освободительных движений на Американском континенте и буржуазно-демократических революций, совершающихся там. В своей переписке с С. Д. Полторацким, одним из сотрудников «Московского телеграфа», с которым у него установились близкие, доверительные отношения, сам он и его корреспондент называют себя именами людей, перед которыми преклоняются и которым хотят подражать. Вот, например, характерный отрывок из письма Полевого к Полторацкому (1827 г.): «Боливар, великий человек! Что с вами сделалось, гражданин? Боллен? Да поможет вам тень великого Франклина: он умел отнять молнию у неба, а скипетр у тиранов... Как мы желаем вам здоровья, свидетель бог, нет – Вашингтон!.. Поклон и почтение. Бойе»⁶.

Но русская буржуазия была не такова, чтобы совершать революционные подвиги. Как класс она переживала становление, была рыхлой, аморфной, политически слабой и неопытной. Полагалась не столько на собственные активные действия, сколько на правительственные акции, которые, естественно, была готова поддержать.

В соответствии со всем этим установки Полевого, как и сложившегося позже охранительного либерализма, предназначали самодержавию быть той силой, которая продвинет общество вперед, преобразует его в социальном плане.

⁶ Полевой Н. Избр. произведения и письма. Л., 1986. С. 497–498. (Ж.-П. Буайе (Бойе) – борец за независимость Гаити).

Охранительный либерализм не забывал и о дворянстве. Он не собирался устранять его с исторической арены и не предлагал этого делать. Более того. «При настоящих условиях русской жизни, – писал Б. Н. Чичерин, – дворянство остается не стариком, доживающим свой век, и не жертвою, ожидающею своего заклания от окрепшего среднего сословия. Нет; оно призвано играть значительную роль в судьбах России»⁷.

Не думал посягать на главенствующее в стране сословие и Полевой. Но он полагал, что связь между этим сословием и тем, которое он представлял, должна быть подкреплена равноправием, сотрудничеством и взаимным уважением. Он говорил, что ныне не те времена, когда стоило бы «препираться» о первенстве того или иного из них. Сопоставляя историю и ее героев с современной ему жизнью, он в своей уже упоминавшейся речи о купеческом звании находил, что Минин и Пожарский могут явиться ныне и в дальнейшем в деле единения сословий «эмблемою нашею».

За идейное влияние на самодержавие столкнулись во второй половине XIX в. две идеологии – охранительный либерализм и охранительный консерватизм. Последний стремился сохранить существующее в возможно полном виде, предостерегал от скольконибудь существенных изменений в нем. Борьба между этими идеологиями велась с переменным успехом, но преимущественным вниманием со стороны самодержавия пользовались охранители-консерваторы. И если предшественником одного из этих направлений был Полевой, то второе из них предваряла официальная народность, создателем триединой формулы которой (самодержавие, православие, народность) являлся С. С. Уваров. Притеснения, которые испытал Полевой, и явились предвестием грядущих судеб охранительного либерализма.

Само собой разумеется, что либерализм, будучи буржуазной идеологией, охранительный он или нет, сложившийся или формирующийся, в своих притязаниях на какое бы то ни было реформирование общества не выходит за его буржуазные пределы. Социализм им отвержен изначально. «Восставать против капитализма и капиталистов, – писал Б. Н. Чичерин, – значит восставать против всемирной истории»⁸.

⁷ Чичерин Б. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 141.

⁸ Чичерин Б. Н. Положительная философия и единство науки. М., 1892. С. 303.

Выходить за грани, предустановленные капитализмом, не собирался и Полевой.

В начале 1830-х гг. с ним познакомился А. И. Герцен, тогда еще студент, завершавший свое образование в Московском университете. Он посещал Полевого, беседовал с ним, спорил. Незадолго до этого Герцен открыл для себя учение А. Сен-Симона и его последователей, а вместе с ним и социализм, приверженцем которого стал, освобождаясь постепенно и все более от утопизма, свойственного сен-симонизму. Как вспоминал Герцен в «Былом и думах», в социализме и его варианте сен-симонизме он нашел «великие слова, заключающие в себе целый мир новых отношений между людьми». Увлеченный новым для него учением, Герцен сразу же стал распространять его идеи в оппозиционных кругах. Но он тотчас убедился, что не все, к кому обращался он со своей проповедью, были готовы последовать за ним: «Уже тогда, в 1833 году, *либералы* смотрели на нас исподлобья, как на сбившихся с дороги» (имеются в виду он сам и Н. П. Огарев). Герцен явно ждал понимания от Полевого, но оказалось, что и здесь его надежды не оправдались. И именно сен-симонизм поставил, по словам Герцена, «рубеж» между ними. Красноречие Герцена оказалось в данном случае бессильным. Сам он так свидетельствует об этом: Полевой «не мог понять сен-симонизма. Для нас сен-симонизм был откровением, для него – безумием, пустой утопией, мешающей гражданскому развитию. Сколько я ни ораторствовал, ни развивал, ни доказывал, Полевой был глух, сердился, становился желчен». В конце концов потерявший терпение Герцен заявил ему, «что он такой же отсталый консерватор, как те, против которых он всю жизнь сражался»⁹. Полевой болезненно воспринял эти слова, но убеждений своих не изменил.

Итак, принадлежность к иной социальной группе – первое, что отделяет Полевого от исследователей, прежде него посвятивших себя русской истории. Имелись и другие различия. Полевой осваивал труды французских историков эпохи Реставрации, которые проявляли интерес, в частности, к таким проблемам социальной философии и философии истории, как классовая структура обще-

⁹ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. VIII. М., 1956. С. 162–163.

ства, борьба, которую вели между собой большие социальные группы. Ученые эти – О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье.

К. А. Полевой, брат Николая Алексеевича, его друг и единомышленник, оказывавший содействие в его научных, литературных и издательских начинаниях, в своих мемуарных «Записках» оставил свидетельства того, как были восприняты Н. А. Полевым работы этих историков: он читал и перечитывал их, вникал в их содержание, изучал «с наслаждением», «с восторгом». «Все это чрезвычайно занимало, увлекало Николая Алексеевича, и хотя не вдруг, но быстро изменило взгляд его на историю России»¹⁰. Подобного подспорья предшественники Полевого не имели. Отзвуки воззрений этих мыслителей можно обнаружить в некоторых сюжетах его «Истории».

Полевой отверг версию о призвании варягов, ставшую официально признанной и получившую статус идеологического канона. Варяги, согласно Полевому, такие же воинственные пришельцы, захватчики, как в Европе франки или аналог варягов – норманны. Общество, составившееся из завоевателей-варягов и завоеванных ими аборигенов, из покорителей и покоренных, – событие в русской истории; последствия этого состояния давали о себе знать и позже.

Из коллизий, имевших место «в средние времена», Полевого привлекали те, которые обнаруживали себя в привилегированной среде – между феодалами и купечеством. Особенно заметны они были в Новгородской земле, которая своим «естественным положением» была вовлечена в деловую и торговую жизнь; расположенная близ Балтийского моря, она имела сообщение со Скандинавией и Северной Европой. Полевой повествует о двух новгородских «партиях», одна из которых включала в свой состав «людей торговых», другая – «аристократов». Оплотом первых являлась Торговая сторона Новгорода, других – Софийская. Противоборство этих партий проявляло себя в собрании: вече бывало «шумно и буйно». Словесные баталии перерастали в уличные схватки. Когда страсти достигали предела, новгородские стороны, разделенные

¹⁰ Полевой К. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 283.

Волховом, подкрепляя каждая «своих», сталкивались на мосту, который становился ареной «битв и смерти».

В те годы, когда создавалась «История русского народа», отечественная буржуазия уже начала теснить аристократию экономически, и Полевой предчувствует ее дальнейшее восхождение вверх по ступеням исторической лестницы.

Все же социальные антагонизмы, свойственные русской истории, не обрели достаточного отражения в «Истории» Полевого. Само название труда может ввести в заблуждение читателя, желающего найти там историю народа, борьбы, которую он вынужден был вести за свои права. Автор не проявлял сочувственного интереса к народным движениям.

«История русского народа» в предисловии к ней противопоставлена карамзинской «Истории государства Российского». Но несовпадение между ними в этом плане (государство – народ), как разъяснял сам Полевой, состояло в сущности в следующем. Карамзин датировал начало Российского государства временами Рюрика, а Полевой находил, что оно сложилось тогда, когда пало иноземное иго (конец XV столетия). Вся же история до этого – история многих отдельных государств. Эту-то стадию русской государственности Полевой и трактовал как историю народа. Последняя же как таковая заявлена им фактически только исследовательски, но не реализована; данная категория, заимствованная Полевым у О. Тьерри, для русской исторической науки была лишь внесена им в порядок дня. В исследовании классовой борьбы, с которой он знакомился по работам того же Тьерри и других историков данной группы, им были сделаны применительно к России первые шаги.

Русские историки, творившие до Полевого, ориентировались на философию. Но Полевой застал новую фазу философского развития: на первый план к этому времени в немецкой классической философии выдвинулся Ф. В. Й. Шеллинг, и именно его система интересовала Полевого. Это не значит, конечно, что он оставлял без внимания более ранние формы философии. Полевой – один из наиболее философски эрудированных мыслителей своего времени. Проще было бы назвать того философа, которого он не знал, чем перечислить философов, ему известных. Но Шеллинг был выделен Полевым в их ряду. Узнав о его учении от одного своего знакомо-

го, он обратился к сочинениям, где это учение было изложено, так что, по свидетельству К. А. Полевого, он «был уже приверженцем новых взглядов, когда судьба сблизила его со многими молодыми людьми, изучавшими немецкую философию»¹¹.

Произошло это в 1823 г., когда его новые знакомые образовали литературно-философский кружок, общество любомудров, – первый в череде кружков, сменявших затем друг друга, а иногда и сталкивавшихся между собой. В течение четырех десятилетий именно в кружках совершалось, по преимуществу, восхождение, развитие русского философского знания.

Создание кружков – ответная реакция на преследования со стороны государственной власти, которым с начала 20-х гг. XIX в. подверглась эта отрасль науки, равно как и отдельные ее деятели. Правительственные инстанции были встревожены тем, что абстрактные категории ее оказывались способными воплощаться в весьма конкретные дела – революции: Великую французскую и другие, последовавшие за ней в различных странах. Философия в России вызывала подозрение и неприязнь верхов, кафедры философии в университетах закрывались; логическим завершением происходившего стал формальный запрет философии в 1850 г.

Она, однако, не исчезла. Изживавшаяся в официальных учреждениях и изгонявшаяся из них, она ушла в неофициальные и неформальные – кружки. Разрабатываясь в данных структурах, философия достигла немалых успехов: начав здесь с простого ученичества и освоения имевшихся образцов, позже она в 1840-х гг. за счет накопленных внутренних ресурсов смогла вполне самостоятельно достичь того уровня, на котором находились тогда ее самые выдающиеся представители на Западе.

Участники кружка, обратившего на себя внимание Полевого, неслучайно, конечно, причисляли себя к любомудрию: они использовали термин, равнозначный понятию «философия». Философствование они рассматривали как свое призвание. Шеллинг и его система, трактуемая ими, стали их идейным избранием. Поэтому вполне естественно, что с данным обществом у Полевого установились устойчивые идейные контакты. В среде любомудрия он по-

¹¹ Полевой К. Указ. соч. С. 148.

знакомился, в частности, с Д. В. Веневитиновым, В. Ф. Одоевским, И. В. Киреевским, видными его теоретиками. Не ограничиваясь личными встречами и беседами с отдельными любомудрами, Полевой посещал их кружок, хотя и не постоянно; собрания этого кружка, как и других ему подобных, являлись открытыми. Но не только Полевой заходил к любомудрам, они и сами бывали у него. Сложилась еще одна группа. В литературе она была отмечена и названа «домашним, личным кружком братьев Полевых»¹². К. А. Полевой в своих «Записках», посвященных брату, называл отношения, сложившиеся у последнего с ведущими любомудрами, приятною, дружбой...

Такого сближения русского историка с русскими философами ранее не было.

Руководствуясь философией Шеллинга, любомудры говорили и писали о том, что действительность находится в постоянном развитии, без учета чего она не может быть понята. Для исследования настоящего нужно обратиться к прошлому. Прогнозируя будущее, нельзя не учитывать имеющегося на данный момент. «...Направление историческое обнимает *все*»¹³. Помимо идеи развития принимались во внимание и другие элементы диалектики – соображения о противоположностях, о том, как соотносятся общее, особенное, отдельное...

Любомудры продолжили издавна предпринимавшиеся попытки выявить место России в общей среде социумов – народов и государств. Воспользовавшись идеями Шеллинга, они придали существовавшей проблеме новый вид, поставив ее в контекст соотношения общего с особенным, отдельным. Человечество решает общие задачи, стоящие перед ним, через особые судьбы отдельных социальных общностей или их групп.

Любомудрием были восприняты и представления Шеллинга о том, что миром управляет всепроникающее его духовное начало, что оно воплощается в конкретных реалиях, что изменения, совершающиеся при этом, не произвольны, что они проходят определенные этапы, имеют собственную логику.

¹² Орлов В. Николай Полевой – литератор тридцатых годов / Н. Полевой // Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 44.

¹³ Киреевский И. В. Избр. статьи. М., 1984. С. 44.

Восприятие Полевым установок трансцендентального идеализма поставило его во враждебные отношения с философией материалистического направления, учениями Д. Локка, К. А. Гельвеция, П. Гольбаха и др.

Необходимо упомянуть еще об одном философе, к сочинениям которого он был явно безразличен. Это В. Кузен. Достаточно емкую характеристику последнему дал К. Маркс (в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» и письме к Л. Фейербаху от 3 октября 1843 г.), который считал, что «трезво-практическое буржуазное общество» нашло в нем одного из «истинных истолкователей и глашатаев», а сумму его воззрений трактовал как «эклектику»¹⁴. Однако ни буржуазность, ни эклектицизм этого французского философа Полевого от него не оттолкнули. И то и другое было для него вполне приемлемо.

Особо надо сказать о Кузене-эклектике. В своей философской системе он пытался совместить взгляды различных мыслителей прошлого и настоящего, отобрав из их сочинений то, что, по его мнению, сохраняло интерес для его современников. Немало внимания Кузен уделял Шеллингу. В его французском изложении философия немецкого автора, трудная по своей форме для усвоения, обрела более простой вид, становилась популярной, доступной. Это обстоятельство в значительной мере и привлекло к Кузену Полевого.

Все подобные воздействия, социальные и философские, осмысленные Полевым, служили стимулом при создании им собственной философии истории.

В его время процесс обособления других наук от философии, обретения ими самостоятельности, зашел уже достаточно далеко, но все же не был завершен. Философия истории, находящаяся на стыке двух дисциплин, рассматривалась им как некий их синтез. Оформлялась она им в рамках и пределах истории. В его понимании последняя, когда она пытается отчуждать себя от философии, вообще теряет способность оставаться наукой. Вне философии и независимо от нее могут поддерживать свое существование только некоторые ее подразделения, занятые сугубой конкретикой, – хронология, генеалогия и прочие им подобные. При создании «Исто-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 120; Т. 27. С. 376.

рии русского народа», других исторических трудов его одушевлял философский поиск.

Но историк не может творить, не опираясь на факты. «Еще прежде, нежели он начинает воздвигать здание, ему надобно заняться с величайшею подробностью всем, даже малейшими частями, всеми материалами, самыми ничтожными, из которых должен он создать нечто стройное, правильное, великое»¹⁵. Полевой обращался в числе прочего и к источникам, не принятым во внимание исследователями, писавшими о русской истории до него, разыскивал новые данные, им неизвестные.

Философия обозначает путь исторического исследования; философские посылки, в свою очередь, проходят апробацию историческим знанием. В этом отношении история – «практическая проверка философских понятий о мире и человеке, анализ философского синтеза»¹⁶.

Итак, факторы успешного познания исторических явлений: философская оснастка его, с обращением к ее научным, новейшим видам, сопутствуемая возможно полным и точным воспроизведением некогда происшедшего. Познание, однако, не одноразовый акт. Им заняты исследователи, последовательно сменяющие друг друга. Созданное одним уточняется, изменяется, переделывается другими в их стремлении постичь историческую истину. «Если не станем перебирать прежнего, каким же образом выведем положения для настоящего? Как узнаем меру этого настоящего и где найдем точки сравнения при определении наших успехов? Конечно, наши предшественники судили, решали, распределяли славы, жаловали в бессмертие, осуждали и обрекали забвению. Но предшественники были люди; у них были страсти и личные отношения к людям, которых они миловали или карали. Сии страсти, сии личные отношения для нас уже не существуют, и чем более мы от них удаляемся в порядке времени, тем основательнее можем надеяться, что станем беспристрастнее не только первых судей, но и последовавших за ними переоценщиков, можем видеть предметы несколько лучше и определять меру вернее»¹⁷.

¹⁵ Полевой Н. История русского народа. Т. 1. М., 1997. С. 24.

¹⁶ Полевой Н. А., Полевой К. А. Литературная критика. Статьи и рецензии. 1825–1842. Л., 1990. С. 37.

¹⁷ Там же. С. 284.

В своей философии истории Полевой соотнес общее с частным. «Всеобщую историю» он сравнивал с «огромным кругом», в пределах которого вращаются другие «бесчисленные круги»: «истории частные» – отдельных народов, государств, земель и пр. «Условия всеобщей истории уже определяют, каковы должны быть сии частные истории». Всеобщая история – «основа» частных: «...человечество живет в народах, а народы в представителях...»¹⁸. Единство проявляет себя здесь через особенности и разнообразие.

Одной из отдельных историй является российская. Она – достойный предмет изучения как «великая часть» общей истории человечества. Привлекательна она уже из-за размеров России, простирающейся от пределов Германии до берегов Америки, от Северного полюса до степей Азии. Но дело не только в этом. Есть народы и государства, отжившие «век свой», и тем не менее они важны для исторической науки. Тем больший интерес представляют для нее страны, полные «жизненных сил», такие как Россия.

Российскую историю Полевой сопоставляет с европейской. Русь изначально не могла уклоняться от «основных законов человечества», как и Европа, однако в отношении последней она стала проявлять самобытность. Она начала обособляться от государств Запада историей, верованиями, нравами. Полевой отмечает некоторые конкретные явления, сделавшие неизбежным подобное расхождение.

Различна была уже их предыстория. Европу исторически предварял Рим, средоточие культуры древнего мира. После того как он прекратил свое существование, Европа унаследовала его «обломки», которые являлись в океане варваров «как бы островами», «Араратами». На Западе таились остатки древних гражданственности, образования, просвещения; их можно уподобить садовым растениям, которые одичали «среди развалин», но не погибли. На берегах Ильменя и Днепра ничего подобного не было. То, что в Европе было совершенно до варваров, на Руси варвары «только начали».

Много значила для средневековой Руси Византия. Принося на Русь свои знания, культуру, начала христианства, она содействовала отделению ее от Западной Европы. Отличия обретали и цер-

¹⁸ Полевой Н. А., Полевой К. А. Указ. соч. С. 38.

ковные организации. Латинская церковь «поработала» политическую власть. Византийская, не оставлявшая вне воли императоров ничего, кроме чисто духовных дел, перенесла «свой дух» в Русскую землю.

Напротив, там, где исторические условия совпадали, обе сопоставимые истории обнаруживают сходство. Судьба Новгорода изумляет своим подобием судьбам городов Италии, Франции, Германии. Полевой подчеркивает: здесь нет подражания; просто однотипные обстоятельства имели одинаковые следствия.

Действительности, в ее общем виде и частных проявлениях, находящейся в непрерывном развитии, свойственны переходы из одного состояния в другое; исчезающее дает начало новому; историческое движение отличает последовательность. Эти общие рассуждения Полевой подкрепляет конкретным материалом.

Людям начинавшего уходить в прошлое Средневековья «Древний мир» казался «отделенным от их мира необозримой бездной. Но этого в самом деле не было, ибо в природе нравственной, так же как в физической, нет перерывов. Мир Древний родил Новый: прошедшее всегда чревато настоящим, как настоящее будущим. Только связь событий сокрыта была от глаз человека, косневшего в одном настоящем». Нива была не только «глубоко вспахана», но и «засеяна». «Как снег, благотворный прозябанию, пали на нее Средние Времена... Таким образом, цепь бытия, соединявшая мир Древний и мир Новый, не была разорвана...»¹⁹.

До Полевого в русской исторической науке и за ее пределами распад страны на уделы рассматривался как всецело негативное явление, уподоблялся, по его словам, туче, налетевшей на землю, дотоле счастливую и благоденствующую. Объяснялось данное явление ошибками, допущенными отдельными представителями правящей династии, не сумевшими предотвратить территориального дробления; не будь этих ошибок, не было бы и данного ущербного состояния. Полевой не был согласен с такой трактовкой. По его мнению, состояние общества, дух времени, образ мыслей, некоторые другие обстоятельства «должны были произвести именно то, что было в Руси». Сама действительность приготовила такой поря-

¹⁹ Полевой Н. История русского народа. Т. 1. С. 186–187.

док. Оживление общественной жизни, охватившее обширный район между Черным и Балтийским морями, «могло быть продолжено только частной, отдельной жизнью разных княжеств и взаимно борьбой их политики, мнений и выгод»²⁰. Данные концептуальные установки Полевого и были использованы при дальнейшем изучении удельной системы.

Признание целостности и отдельности в истории, созерцание бесчисленных переходов, совершенных человечеством из одного состояния в другое, «голос веков» и «уроки истории» содействовали отысканию «необходимых явлений». «Здесь только раскрываются для нас тайны судьбы и могут быть извлечены понятия о том, что в состоянии, что должны делать человеческая мудрость и воля при законах... неизбежных и от нас не зависящих». Эту угаданную им закономерность общественного развития Полевой, однако, в соответствии с установками трансцендентального идеализма, которым он следовал, трактовал как проявления «высшего, Божественного промысла»²¹.

С исторической необходимостью нельзя не считаться; следование ей сулит успех, попытки игнорировать ее – безрезультатность или срыв. «Человек не может даже ускорить хода судеб и перепрыгнуть через ступеньки лестницы их... Были примеры, что люди хотели упредить ход времени, хотели насильно заставить людей следовать своей идее; но все сии покушения оканчивались неудачей, когда, напротив, с наступлением времени идее она была принимаема бесспорно»²².

Однако в пределах, предоставленных исторической необходимости, могут быть вариации, и достаточно значительные. «Сказать: что было, то долженствовало быть, значило бы впасть в фатализм, недостойный истории. Мы не довольствуемся им – нет!»²³ Неизбежность значительного явления или события не сопровождается предопределенностью их в частностях и деталях. Немалая доля при этом принадлежит тому, что позже получило название «субъектив-

²⁰ Полевой Н. История русского народа. Т. 1. С. 289–290.

²¹ Там же. С. 22.

²² Там же. С. 113.

²³ Там же. Т. 2. С. 204.

ный фактор» – деятельности людей, в том числе исторических личностей. Полевой при изучении истории постоянно возвращается к вопросу о личности, лепте, которую она в нее вносит, содействуя решению назревших проблем или препятствуя этому.

Вот, например, его рассуждения о том, безусловно ли суждено было именно Москве стать тем центром, вокруг которого собралась и объединилась Северо-Восточная Русь? Ведь у нее были соперники, не желавшие уступить ей и также претендовавшие на подобную роль. Касаясь положения московского князя среди других русских властителей и приобретений, сделанных им к середине XIV в., Полевой отмечал: «И за всем тем – как ненадежен жребий его! Явись в Твери, или в Суздале, человек смелый, крепко владеющий мечом, умеющий перехитрить его, и где тогда будет великое княжество Московское?»²⁴ Отстаивать историческое призвание приходилось в нелегком противоборстве с конкурентами, также располагавшими известными возможностями.

Рассказывая о борьбе, которую Москва вела за Новгород, стремясь присоединить его в конце XV в., при Иване III, к складывавшемуся единому Русскому государству, и противодействии этому партии Борецких, ориентированных на Польшу, Полевой объяснял полученный исторический итог следующим образом: «Расчет Борецких мог быть верен, если бы в Польше царствовал Витовт, и если бы в Москве был не Иоанн. Дело кончилось бы тем, что Москва снова уступила бы Новгороду, как прежде; исполнив свои честолюбивые намерения, Борецкие могли отвергнуть Казимира; или началась бы война, в которой успех был еще сомнителен с пособием Польши. Но все пошло иначе, при слабости польского короля, при твердом характере и уме князя московского. Новгород пал!»²⁵

Еще одно положение, содержащееся в философии истории Н. А. Полевого: исторический подход к прошлому. «Различение века и времени каждого предмета есть истинное мерило верности суждений о каждом предмете. Сие мерило усовершенствовано умом мыслителей нашего времени. Еще древние знали его... Но оттого, что мнение это было несовершенно, неполно, происходило

²⁴ Полевой Н. История русского народа. Т. 3. С. 322.

²⁵ Там же. С. 222.

множество ошибок в суждениях»²⁶. Таких ошибок Полевой стремился избежать. Он призывал не судить о прошлом на основании нынешнего образа мыслей: тогда и обстоятельства были иными, и люди думали иначе. Исторический объект должен восприниматься исследователем не по «чувству», не по тому, нравится он ему или не нравится, находит он его хорошим или нет, но «по соображению историческому века и народа»²⁷.

Василий II, к примеру, в «Истории» Полевого – не тот человек, который способен вызывать симпатии, служить нравственным образцом. И само прозвание «Темный» пристало ему неспроста: не только потому, что он был слеп, но также за его душевные свойства и поступки. Средства, пущенные им в ход в борьбе за власть, – грубое насилие, интриги, жестокость. Его противники, такие же, как и он, потомки Дмитрия Донского, превосходили его нравственными качествами, мужеством, даже правами на престол – как соответствующими давней традиции. Но государственный ум Василия «неоспорим», как и его исторические заслуги: «он уничтожает уделы». Как личность он недостоин любви, но, следя за его борьбой с удельной системой, что являлось исторической задачей того времени, «желаем ему успехов».

Полевой находил, что неуместно историку произносить нравовучения. Читатель ждет от него воспроизведения совершившегося таким, каково оно было; отыскание истины – «его обязанность». «Восклидания» же его по поводу даваемых сведений ни к чему: «...голос народов и владык должен греметь из глубины минувшего, а не лепетание человека мгновенного, великого только тогда, когда он будет жить для нас общею жизнью человечества»²⁸. Историк «не судья», не его призвание – составление актов «обвинительных» или «оправдательных». «Он живописец, ваятель прошедшего бытия: от него требует человечество только верного, точного изображения Прошедшего...»²⁹ Полевой – за беспристрастность и объективность историка.

²⁶ Полевой Н. А., Полевой К. А. Указ. соч. С. 35.

²⁷ Там же. С. 83.

²⁸ Полевой Н. История русского народа. Т. 1. С. 23–24.

²⁹ Там же. С. 22.

Он надеялся, что страсти, проявляющие себя по поводу тех или иных исторических эпизодов, будут умеряться, исчезать по мере роста знаний о них и отодвижения их в историческую даль. Надеждам этим не суждено было сбыться. Споры вокруг прошлого, в том числе и в наше время, нередко являются даже более бурными и острыми, чем те, которые касаются события дня. Сам Н. А. Полевой, в числе прочего и как историк, стал жертвой предвзятости.